

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Русская мысль»

Лев Васильев был поэт, поначалу признанный в узком кругу (прежде всего филфака ЛГУ), затем совершенно забытый (его стихов нет даже в "Антологии Голубой Лагуны") и лишь незадолго до смерти обретший некоторую известность. Судьба его была как будто типична для нищего русского поэта, но сложилась жестче и безжалостнее, чем у многих. Его стихи — это настоящие, ни на кого не похожие, неповторимые стихи, среди которых есть замечательные. Однако, наверное, не дело друзей поэта судить о его стихах, и не место в некрологе пускаться в профессиональный анализ или в дилетантскую критику.

Попытки дать общую характеристику его стихов, найти его место и истоки делались и, даст Бог, будут делаться. Единственной автохарактеристика Васильева, говорившего, что его заочным учителем был ранний Николай Асеев, для читателя его стихов представляет скорее загадку, нежели разгадку. Не будем спешить с оценками. Мы хотим только кратко изложить и сохранить то немногое, что нам известно о его жизни.

Лев Викторович Васильев родился 1 января 1944 г. Его мать (Елизавета Петровна Иванова), перенесшая блокаду и дистрофию, сразу после этого была призвана в армию (машинисткой в редакции газеты) и здесь встретила его отца, военного журналиста (Виктора Михайловича Васильева). Многие особенности Левиной судьбы были предопределены еще до его рождения: во-первых, ребенок не мог не родиться болезненным и слабым; во-вторых, родители не могли быть вместе: мать демобилизовали, а отец продолжал служить. После войны он жил уже с другой семьей и сына почти не видел, ограничиваясь письмами и посылками.

Так определились обстоятельства Левиного детства: наполовину — уличный мальчишка из бедной семьи (мать всю жизнь работала машинисткой), промышленный, например, перепродажей билетов в кино, наполовину — вундеркинд, стремившийся к самоутверждению именно в интеллектуальной сфере (математика, позднее — поэзия).

Еще в школе у него сложилась компания, отличавшаяся интересом к кинематографическому и литературному авангарду. Из этих его одноклассников до

конца остался ему другом и поддерживал его деньгами в последние годы кинорежиссер Сергей Соловьев.

От школьных лет стихотворных опытов не сохранилось, первые известные нам примеры относятся к 1961 г., когда он, видимо, уже окончил школу. Тем временем еще в детстве у него было обнаружено тяжелое заболевание, и сразу по окончании школы была сделана первая операция на легких. По словам самого Лева, может быть, несколько драматизировавшего ситуацию, врачи обещали ему 10 лет жизни. Один из авторов этих строк хорошо помнит, как в конце 60-х или в 70-м году Лева говорил: "Вот, на днях истекли десять лет, обещанные мне врачами".

Несомненно, что эта угроза, сознание отмеренного срока повлияли на общее самоощущение и отношение к жизни. Отсюда уже в юношеских стихах рядом с экзотической жизнерадостностью — трагизм и обреченность, вглядывание в смерть.

В 1962 г. Лев поступил в Ленинградский университет (филологический факультет, русское отделение), и здесь его

ждали два-три года поэтической славы. В среде филологов он безоговорочно признавался первым поэтом. На 3 курсе он перешел на вечернее отделение и работал редактором в военно-морском музее (место, как известно, небезразличное для русской поэзии). Постепенно он превращался в вечного студента, брался за курсовые работы о "Двойнике" Антония Погорельского и о Сухо-Кобылине, ни той, ни другой не написал, диплома не защитил. В 70-е годы в музее он уже не работал, распродал свою очень недурную библиотеку, собранную ранее, вообще торговал книгами (а это он делать умел: как многие хорошие книжники, он приобрел замечательные библиографические познания). Потом работал такелажником на Зимнем стадионе.

Биография, отчасти похожая на типичную судьбу представителя андерграунда, но в то же время резко отличная от большинства. Дело не только в том, что Лева не нашел себе работы ни в одном из узаконенных и "престижных" для поэтов мест, вроде автостоянок и котельных, не только в том, что на фоне всеоб-

щего пьянства сверстников (и, разумеется, не только сверстников) его пьянство отличалось какой-то особой тягой к самоуничтожению (может быть, не без влияния врачебного "приговора" — "какая разница!"). Хотя она была и не столь очевидна поначалу и нарастала с годами по мере его "деклассирования" — главное, пожалуй, было в том, что он был отвергнут и самим андерграундом, как и более благополучной частью интеллигенции.

Конечно, во многих случаях виноват был сам Лев; вероятно, детство оставило свой отпечаток не только на его здоровье, но и на морали. Не хочется никого винить, многие вполне справедливо считали себя обиженными или обманутыми Левою, но результатом оказалось то, что он вообще не имел своего круга, питательной среды, читателей и даже слушателей.

В те времена, когда появилась возможность печататься, стали создаваться сборники и клубы — Леву туда не звали. Ровесники думали, что он давно сгинул, новые поколения литературной молодежи уже не знали его имени, а кто-то, может

быть, просто не хотел с ним иметь дела.

Собственно, рядом с ним оставались несколько человек — друзей еще со студенческих лет, помнивших, собиравших и хранивших его стихи. Они предложили в 1992 г. подборку текстов к тому времени уже совершенно забытого поэта в цикл "Поздние петербуржцы", который печатал в газете "Смена" Виктор Топоров. Цикл имел успех у читателей, прошло несколько вечеров "поздних петербуржцев", где Лева впервые пришлось читать стихи со сцены, позже этот газетный цикл, включавший стихи Л. Васильева, был издан отдельной книгой под тем же названием (СПб, 1995). В 1993 г. друзьям удалось найти средства и издать книжку "Ненормальная радость. Стихи разных лет". Появились и несколько журнальных подборок.

Эти публикации напомнили о поэте — в том числе и ему самому. Поразительно не только то, что в этом одиночестве, полусознании, физической немоции он продолжал писать стихи и эволюционировал как поэт, но и то, как много сил еще оставалось у этой почти тени (в последние годы он ужасно исхудал). В 1992-96 гг. произошел неожиданный и очень значительный всплеск поэтической активности. Он писал много и иначе, чем прежде. Стихи этого времени вошли в последнюю книгу "Приезжайте в Крым. Вторая книга стихов" (СПб, 1997), ее составлял вместе с автором и издал молодой поэт Игорь Булатовский — один из немногих друзей его последних дней. Перед смертью Лев успел увидеть книгу (вышедшую пока в количестве 80 экземпляров) и даже кому-то ее надписал. Последние месяцы его жизни были ужасны, но умер он в ночь с 30 на 31 марта безболезненно и мирно — во сне.

**ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬКОВ
ГЕОРГИЙ ЛЕВИНТОН**

Санкт-Петербург

P.S. В извещение о смерти Льва Васильева ("PM" №4169) вкралась некоторая ошибка.

Было искажено название его первого сборника и допущены две опечатки в стихах: в 3 строфе после слов "в бутылку" стоит не "?", а запятая, а последние строки должны читаться: "где листья, палки. Ведь не страше и наших дум. Шурум-бурум" (т.е. пропущено слово "дум"). Мы приносим извинения за эти ошибки газете и читателям.

СТИХИ
ЛЬВА
ВАСИЛЬЕВА

ПРИЕЗЖАЙТЕ В КРЫМ

Дождь прошел. И прошумел. На взгляд
вроде бы такой неторопливый.
Крыши с нежной зеленью гранат
высохли быстрее, чем сохнут сливы
там, южней, на солнце голубом,
во саду ли, во степу широком,
где вода из родничка со льдом,
если обнаружишь ненароком, —
как стакан Таврийского, беда,
как бы всем троим держаться прямо —

да была, была же та вода,
та же, очевидно, как всегда,
и ее не надо из-под крана.

* * *

Отплывая в край обетованный,
ты услышь мой голос обращенный,
как хрипит он из дождя — с тумана,
от земли, навеки обреченной,
потому что вырос на болотах,
словно желтый лютик — не на пашне;
но гудит на полных оборотах:
до свиданья, будь здоров, не кашляй.

70

* * *

И не знаю, что случилось бы с нами,
если б жили мы в прежней Вероне,
но сидим мы на аэродроме,
под его голубыми часами.
Всякий миг по канату мы бродим.
Нашей жизни как глупой вороне
машем шляпой. И вовсе не страшно,
что начальный завод на исходе,
и качается колокол-башня.
Да и впрочем: все пыль в огороде.